

Предисловие к публикации

Под общим заглавием *Р. Г. Назиров* «Критика фрейдистских теорий и их влияния на современную литературу» существует два текста, имеющих авторское жанровое определение «доклад». Один из текстов («Критика фрейдистских теорий и их влияния на современную литературу») представляет собой расширенный, а второй («К вопросу о влиянии фрейдизма на литературу») — сокращённый вариант одного концептуального ядра. Неизвестно, какая версия была первичной, а какая создана на её основе, но множественные пересечения в деталях этих текстов (оценка сюрреализма, обращение к драматургии Т. Уильямса и др.) не оставляют сомнений в их генетической связи.

Несомненным также следует признать и авторство Р. Г. Назирова (что не всегда очевидно в случае с хранящимися в архиве машинописями¹): текст сокращённой редакции подписан, текст пространной редакции изобилует рукописной правкой, сделанной рукой Назирова.

Текст представляет собой машинопись, являющуюся единственным содержанием дела 161 в описи 1.

Черновых материалов доклада обнаружить не удалось. Дата создания текста может быть предположительно отнесена к осени 1962 года на основании упоминания возраста драматурга Теннесси Уильямса (51 год), который родился 26 марта 1911 года.

Кроме того, в тексте содержатся и другие основания для датировки, указывающие на начало 1960-х годов:

1. Самый поздний источник, упоминаемый в тексте: журнал «Иностранная литература» № 8 за 1962 год.
2. Упоминание научного совещания по вопросам идеологической борьбы с современным фрейдизмом, состоявшегося в октябре 1958 года. Контекст подсказывает, что этот факт служит в докладе созданию картины актуального научного фона, то есть описанное событие не должно быть фактом далёкого прошлого.

Во втором (кратком) тексте называется другой возраст Теннесси Уильямса (50 лет), что мы склонны считать это опiskeй, учитывая присутствующую и там ссылку на № 8 «Иностранной литературы». Так что, скорее всего, обе редакции доклада были созданы приблизительно в одно время.

¹ см. Орехов Б. В. Текстология Назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 157.

Обстоятельства создания текста неизвестны. Это особенно печально, учитывая, что сведения о возможной аудитории, а главное — о доступности для автора различных актуальных для того времени источников — позволили бы уточнить и датировку, и характер (отчасти даже стратегию) работы Назирова над докладом. 1962 год был первым годом обучения Р. Г. Назирова в аспирантуре МГУ, так что, возможно, этот текст создавался в Москве с привлечением доступного именно в столице круга источников и был продиктован отчётной необходимостью по учебному плану.

Доклад Назирова о фрейдизме — это текст агитатора со свойственной именно этому субъекту речи узнаваемой поэтикой. Здесь и «общенародное» «мы», взывающее к тому, чтобы слушатель (читатель) с ним солидаризировался. Здесь и строгие оценочные суждения, одновременно выносящие приговор с точки зрения «истинно верного учения» и разъясняющие это учение. Надо сказать, что категорических суждений Назиров не избегал и в своих позднейших научных работах (см. рецензию на «Преодоление смерти» в первом номере «Назирова архива» за 2013 г.), но со временем они станут именно органической частью научного постулирования, а в этом раннем тексте, скорее, представляют собой вариацию пропагандистского шаблона.

Собственно, всё это совсем не должно удивлять: к концу 1950-х годов за плечами Назирова было гораздо больше газетного опыта, нежели научного, хотя, надо признать, даже к концу жизни Назиров, избавившись от тотального давления идеологии, не потерял (возможно приобретённых во времена репортёрской юности) равнодушия и даже страстности как свойств стиля.

И всё же Назиров за сорок с лишним лет, прошедших с момента его создания, не избавился от текста этого доклада. Не слишком фантастическим будет предположить, что содержащиеся в нём разборы произведений конкретных авторов представлялись ему если не оригинальными, то полезными для общей концептуальной картины литературного процесса. Для публикаторов это сигнал внимательнее присмотреться к плану содержания извлечённого из архива текста (хотя и план выражения, как мы пытались показать выше, тоже небезынтересен для установления генезиса назировского стиля). Очищенные от идеологической составляющей (где это требуется) оценки, наблюдения и обобщения относительно творчества С. Цвейга, Ф. С. Фитцджеральда, Ш. Андерсона, В. Фолкнера и др., анализ их соотнесённости с фрейдистскими концепциями, как минимум, любопытны и сейчас, хотя, возможно, после десятилетий специальных дискуссий на эту тему и выглядят несколько тривиально.

Вполне возможно (и даже скорее всего), Назиров неточен и поверхностен там, где он пытается углубиться в конкретные данные медицины и психофизиологии. Его работа о фрейдизме, отстоит от современности почти на пятьдесят лет, а его знание о естественных науках полувековой давности было все-таки знанием гуманитарным.

Вместе с тем, интересны в этой работе не только периодические обращения к конкретным текстам, но и некоторые, собственно гуманитарные, свойства его метода. Так,

фрейдизм он вписывает в широкий контекст культуры рубежа XIX—XX веков (историзм), пробует оценить возможности фрейдизма как методологической основы целостного описания культуры (и находит их неудовлетворительными). Словом, работу о фрейдизме вполне можно считать одним из первых свидетельств интереса Назирова к той проблематике, к которой он впоследствии обратился в книге «Становление мифов».

Наконец, отмеченным должно быть и то, что именно наблюдения за судьбой этого текста лучше всего демонстрируют цикличность развития гуманитарной мысли. Так, многие резкие и, казалось бы, беспочвенные выпады против фрейдизма воспринимаются в нашем настоящем с полным сочувствием.

Борис Орехов
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
Сергей С. Шаулов
Башкирский государственный университет